

4.9. СООБЩЕНИЕ КАК ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Медведев Е.В., к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ульяновского государственного университета

Аннотация: В статье рассматривается сообщение как признак объективной стороны преступления.

Ключевые слова: сообщение, преступление, объективная сторона преступления, признаки объективной стороны преступления.

MESSAGE AS A SIGN OF THE OBJECTIVE SIDE CRIME

Medvedev E.V., PhD in Law, associate professor of criminal law department of Ulianovsk State University

Summary: The message as an indication of the objective side of the crime is considered in this article.

Key words: message, the crime, the objective side of the crime, the signs of the objective side of the crime.

С точки зрения семантики термин «сообщение» допустимо рассматривать в двух значениях, как действие, и как используемый в процессе его осуществления предмет. Соответственно и в литературе под ним, как правило, понимают либо:

- 1) передачу сведений, либо
- 2) саму информацию, передаваемую в процессе коммуникации.

Особенность этого определения состоит в том, что оба его значения находятся в тесной взаимосвязи и соотносятся друг с другом как часть и целое. Первое является более широким по объему и охватывает своим содержанием второе. Последнее в свою очередь выступает ни чем иным, как отражением одного из структурных элементов первого. Характеризуя предмет действия, данное обозначение являет собой передаваемую в процессе общения информацию, заключенную в определенную форму, и выступает тем элементом, который определяет содержание сообщения как действия, раскрывает то, по поводу чего оно совершается. Отсюда рассмотрение сообщения как действия неизменно подразумевает детальный анализ его и как предмета.

Суть рассматриваемого феномена главным образом заключена в содержании термина сообщение. Слово «сообщать», от которого он происходит в русском языке, означает «уведомлять, извещать, доводить до чего-либо сведения»[1]. На первый взгляд, смысл данного выражения достаточно ясен. В нем идет речь об акте передачи информации между двумя или более субъектами.

Ввиду кажущейся простоты в юридической литературе анализу его содержания не уделяется какого-либо особого внимания. В основном авторы лишь перечисляют возможные формы передачи информации в процессе коммуникации. Действительно, сообщение сведений в письменной, электронной форме, через социальную связь, в виде смс-сообщений, через Интернет, электронные или печатные средства массовой информации и т.д. не требует какого-либо дополнительного уточнения, поскольку процесс передачи информации в данном случае имеет отчетливое закрепление в материально выраженной форме. Его суть целиком определяется содержанием самой передаваемой информации, а способ ее передачи не имеет какого-либо значения, поскольку не отображает сущностных особенностей названного действия, а лишь показывает его техническую сторону.

Тем не менее, следует признать, что большинство сообщений осуществляется в устном виде, и в этом варианте осуществления коммуникации содержание информационного обмена уже не выглядит настолько четким, прозрачным. Нельзя не согласиться с психологами в том, что даже с позиции внешней стороны своего проявления феномен устного общения имеет гораздо более глубокий смысл. Дело в том, что он сопровождается не только воспроизведением речевых фрагментов, но и психологическими процессами, показывающими изменение внутреннего состояния человека, динамично проявляющимися в его внешнем облике в виде совокупности определенных признаков. Как справедливо отмечают специалисты в обозначенной области, принимая на себя ту или иную роль, человек начинает действовать и говорить согласно этой роли, в то время как тело выражает его чувства и эмоции[2].

В указанном ключе исследование акта передачи информации, несомненно, требует более детального подхода. По общепринятому мнению, существующему в психологии, передача сведений в процессе общения имеет две стороны выражения: вербальную и невербальную. Под вербальной стороной коммуникации в рассматриваемой области науки понимается общение с помощью знакового или языкового материала, невербальной – общение посредством образов и иных неязыковых инструментов[3]. Она включает в себя мимику, пантомимику и динамическую экспрессивную сторону речи (интонацию, тембр и т.д.). Мимика, как принято считать, характеризует выражение лица, пантомимика показывает положение тела в пространстве, позу, жесты. Третью сторону, отражающую звуковой окрас речи, относят к паралингвистике[4].

Обе названные стороны общения, по мнению психологов, носят информативный характер и тесно связаны друг с другом. Причем невербальные компоненты речи иногда могут заменять вербальные. Для выражения того, что человек не может описать словами, он использует универсальные чувственно воспринимаемые невербальные знаки, которые в этой ситуации выполняют роль сопровождения и дополнения вербального общения[5].

Если следовать указанному подходу к пониманию общения, получается, что при сообщении информации кому-либо в процессе коммуникации, ее содержание передается не только через саму речь. Оно находит

свое отражение и в мимике, пантомимике и иных конструктах невербального общения.

Данное утверждение, на первый взгляд, может показаться слишком отвлеченным от реальной действительности, маловероятным в плане распознавания передаваемой информации. Тем не менее в психологии для установления внутреннего содержания поведения человека по его внешней стороне, например, идентификации лжи используется система кодов, отражающих определенное сочетание экспрессивных признаков, характерных только для конкретного психического состояния человека[6]. По ним, как по своеобразным ключам и читается внутреннее состояние человека в момент действия, определяются направленность его сознания, намерения, эмоции, чувства и переживания по поводу его совершения[7].

Подобная аргументация выглядит достаточно убедительной, и о ее плюсах и минусах, думается, нет смысла спорить с точки зрения психологии. Однако с позиции права ее вряд ли можно признать приемлемой. Подобная тактика, конечно, может представлять интерес в некоторых случаях, к примеру, при распознавании лжи в показаниях обвиняемого, свидетеля. Тем не менее, объективно она, думается, не способна раскрыть внутреннюю сторону поведения человека с точностью до ста процентов. В особенности это касается поступков тех людей, которые знают о подобного рода ключах и умело пользуются ими, контролируя внешнюю сторону своих действий. Но и без наличия специальных познаний в области психологии, как представляется, можно передать информацию во время вербального контакта таким образом, что невербальная его сторона не будет содержать признаков, однозначно характеризующих проявление того или иного типа эмоций, каких-либо сочетаний кодовых телодвижений.

Хотя многие психологи и утверждают, что сознательное не может полностью контролировать бессознательное[8], практика знает немало примеров, когда истинную сущность человека и его действий нельзя распознать по внешним признакам.

Например, профессиональные мошенники часто обманывают настолько уверенно, что ложь, исходящая от них выглядит чистойшей правдой[9]. При этом речь преступника не сопровождается ни асимметрией, ни дисгармонией движений, ни рассогласованием между взглядом и позой, между содержанием речи и ее интонацией, не содержит признаков замешательства и каких-либо других признаков, свидетельствующих о неконгруэнтном поведении, то есть неадекватном внутренним состояниям и актуальным чувствам, как основной, по мнению психологов, конститутивной чертой проявления лжи в человеческих поступках[10].

Возможны и ситуации, когда человек говоря о чем-либо, например, находясь в стрессе, думает совсем о другом. При этом сопровождающий его речь эмоциональный фон, который выступает на передний план, относится не к самой речи, а характеризует состояние озабоченности иной внутренней проблемой. Такие случаи, как нам кажется, довольно часто встречаются в жизни человека.

Из сказанного вытекает, что оценка содержания поступка человека по его невербальной стороне всегда имеет существенную долю относительности и потому не подходит для правовой его квалификации. Действительно, в настоящее время человечество пока еще не придумало таких технических средств, приборов, которые бы позволяли проникнуть в сознание челове-

ка. Мы не можем абсолютно точно утверждать, какую информацию несут в себе жесты, мимика, пантомимика в той или иной ситуации, поскольку они не содержат конкретных информативных знаков, таких, как содержащихся в речи. Думается, не случайно детекторы лжи, хотя и используются причем достаточно давно для выявления неискренности показаний обвиняемых, свидетелей и т.д., не признаются официальным источником получения доказательств[11].

Между тем каждое правило, как известно, предполагает исключение, и высказанное выше предположение требует оговорки. В некоторых случаях для фиксации передаваемой информации невербальная сторона общения все же может иметь конкретно выраженное значение, которое позволяет ставить его в рамки правового регулирования. Это, на наш взгляд, касается общения лиц, не владеющих речью в силу врожденных или приобретенных психических или физических недостатков, или временно лишенных возможности использовать обычную речь по иным причинам, к примеру, больные, находящиеся в тяжелом состоянии. Однако в этих случаях невербальные знаки по сути выступают эквивалентом речи, и превращаются в элементы вербальной стороны общения, поскольку жесты, с помощью которых люди с ограниченными возможностями обмениваются сведениями в процессе коммуникации также называется языком, и выступают формой знакового общения.

Резюмируя сказанное, позволю заключить, что исследуемое действие допустимо оценивать с позиции права только в том случае, если оно имеет языковое или иное знаковое выражение. Его ключевой особенностью является то, что, оно, так сказать, объективируется только на уровне вербального общения. Его сущность проявляется прежде всего в передаваемой в процессе коммуникации речевой или другой знаковой информации, которая и определяет непосредственную правовую оценку данного поступка.

Список литературы:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка.— М., 1989.— С.481.
2. Иванченко Г.В. Психология понимания правды // Человек.— 1999.— № 4.— С. 182.
3. Абдулханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности.— М.: Прогресс, 1980.— С. 47; Богатырева Е.Н. Психология обмана. Преимущества и потери.— СПб.: Лань, 1998.— С.51; Блум Ф., Лизерсон Н., Хорстелтед Л. Мозг, разум, поведение.— М.: Прогресс, 1998.— С. 87.
4. Смирнов С.Д. Психология образа: проблемы активности психического отражения.— М.: Изд-во Московского ун-та, 1985.— С.73; Мясищев В.Р. Психология отношений.— М.: НПО Модэк, 1985.— С. 68; Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт.— СПб.: Питер, 2002.— С. 114.
5. Горелов И.Н. Невербальные коммуникации.— М., 1980.— С. 94.
6. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы.— М., 1990.— С. 80.
7. Лабунская В.А. Психология экспрессивного поведения.— Ростов-на-Дону, 1989.— С.47.
8. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции.— М., 1989.— С. 71.
9. Шейнов В.П. Психология обмана и мошенничества.— Минск, 2001.— С. 91-92.
10. Ниренберг Д., Калеро Г. Как читать человека как книгу.— М., 1990.— С.52-53; Пиз А. Язык телодвижений.— Новгород, 1992.— С. 81-83.
11. Алгазин А.И. Досудебные конфликты и диагностика лжи // Юридическая и правовая работа в страховании.— 2006.— № 4.— С. 38.